

под редакцией

Елены Невзоровой-Кмеч

Р

Русский язык в иностранной аудитории

Теория, практика
цели и результаты
преподавания

Языкознание

методика и дидактика

WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
ŁÓDZKIEGO

СВЕТЛАНА ЛЮТОВА

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России (MGIMO-University)
г. Москва, Россия

ПРЕПОДАВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РУССКОЙ РИТОРИКИ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ ГУМАНИТАРНОГО ВУЗА

Цель настоящего исследования – подведение промежуточных итогов работы автора по составлению и анализу базы ситуаций межкультурного взаимодействия, в которых студенты-иностранцы младших курсов МГИМО, по их собственному признанию, испытывали удивление, дискомфорт или взаимное недопонимание (не связанное с уровнем владения ими русским языком) при общении с этническими русскими и с российскими гражданами вообще.

Предмет исследования – собрание коротких текстов (при подготовке доклада их обработано около 50), написанных самими студентами и содержащих: а) описание реальной «неясной» ситуации межличностного взаимодействия представителей разных этносов; б) интерпретацию причин произошедшего в ней – как с точки зрения студента, участника ситуации, так и, по его предположению, с точки зрения другого участника.

Авторами этих текстов стали юноши и девушки из следующих стран: Албании, Армении, Афганистана, Болгарии, Вьетнама, Грузии, Китая, Монголии, Румынии, США, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Финляндии, Хорватии, Чехии, Южной Кореи. (Российские студенты выполняли аналогичные письменные работы на основе собственного опыта пребывания за границей, но здесь они рассматриваться не будут.)

Задача составления и обработки базы подобных текстов – их использование на практических занятиях по риторике в смешанных группах (группах, где российские граждане и иностранцы, уже удовлетворительно освоившие русский язык, обучаются вместе). Упражнение тренинга выполняется так: автор текста (по желанию) может предложить описанную им ситуацию в качестве сценария, который студентам предстоит поставить как маленький спектакль с последующим обсуждением всей группой того, что происходило в ходе «представления». Если автор предпочитает остаться инкогнито, ситуация предлагается преподавателем как анонимная для инсценировки представителями названных в ней стран (так происходит и при дальнейшем использовании текста в других группах).

Иностранный студент получает в итоге, как правило, несколько интерпретаций ситуации – и своими соотечественниками (если таковые присутствуют в группе), и другими иностранцами, и «местными». Последнее в данном случае особенно ценно, так как задача тренинга – культурная адаптация иностранного студента в России, получение им адекватного представления о ментальности и самосознании различных (социальных, религиозных, этнических) групп россиян, приобретение навыков эффективной коммуникации в стране обучения (с которой, скорее всего, в дальнейшем будет связана и его профессиональная деятельность).

Описанный метод представляет собой психодраматический вариант работы с ситуациями типа задач культурного ассимилятора [Albert 1983: 186], классической техники повышения межкультурной сензитивности (где верным решением коммуникативной задачи считается выбор иностранцем-учащимся той интерпретации ситуации /из нескольких предложенных/, которая статистически наиболее типична для представителей страны, к культуре которой ему предстоит адаптироваться).

Однако, помимо своей дидактической значимости, собранный материал представляет и научную ценность (что, несомненно, обогащает содержание теоретической, лекционной, части курса риторики): в ходе анализа текстов делается очевидным круг проблем, общих для всех проходящих период адаптации к чужой (в данном случае к российской) культуре вне зависимости от того, из какой страны люди приехали («за кадром» настоящего исследования оставим не только проблему слабой языковой подготовки, но и такие существенные коммуникативные препятствия как игнорирование различий в использовании невербальных сигналов, незнание бытовых привычек россиян и сложившихся систем общежития, например, системы работы муниципального транспорта; также не будем касаться проблем, возникающих из-за недостаточного

владения базисными для жителей России культурными реалиями).

В настоящем докладе будут представлены три типа проблем:

- 1) коммуникативная дезориентация, обусловленная ложными атрибутами;
- 2) дезориентация, обусловленная недооценкой полиэтничности и мультикультурности Российской Федерации;
- 3) дезориентация, обусловленная недостаточной культурной саморефлексией субъектов коммуникации при столкновении несовпадающих норм.

Рассмотрим на примерах все эти три типа коммуникативной дезориентации.

1. Атрибутивный процесс – это процесс «приписывания» другому лицу причин, мотивов, целей его слов или действий в условиях недостаточной информации о них. Такая интерпретация как правило оказывается ошибочной, поскольку осуществляется на основе: а) стереотипных представлений (неважно, позитивных или негативных) интерпретатора об этнической группе, к которой принадлежит «загадочный» объект, б) стереотипов поведения группы членства самого интерпретатора, воспроизводимых им, но далеко не всегда осознаваемых.

В этнопсихологии описаны основные атрибутивные ошибки, возникающие в ходе межкультурной коммуникации [Стефаненко 2014: 280], наиболее распространённая – так называемая элементарная ошибка, связанная с этноцентризмом (презумпцией превосходства своего этноса над другими по всем «социально желательным» для данного этноса параметрам) как способом поддержания позитивной этнической идентичности.

При анализе студенческих интерпретаций описанных ими ситуаций межкультурного диалога была обнаружена как доминирующая тенденция не противопоставлять, а дружелюбно сопоставлять модели восприятия и поведения в разных культурах (что говорит в целом о толерантности, любознательности, высоком интеллектуальном уровне студентов МГИМО и наличии у многих позитивного опыта межкультурного взаимодействия).

Однако некоторые интерпретации свидетельствуют о создании латентно этноцентрических атрибуций. В следующем примере ощущение превосходства «своих» автор, студент из Румынии, сам от себя скрывает под маской сочувствия к белорусам (речь идёт о русскоязычных белорусах, с которыми студент общался во время своей учёбы в Минске), он пишет: «Меня удивляло, что каждое вопросительное выражение или просьба белоруса начинаются сразу с отрицания: “Не найдётся ли у вас мелочи?...””, “Не могли бы вы объяснить?...”». У нас просьбы делаются напрямую,

скажем, так: «Есть мелочь?». Также я заметил, что в Белоруси каждый человек, видя, например, стул перед дверью, в которую ему нужно войти, не тронет этот стул, потому что подумает, что стул там специально поставлен! Я думаю, что всё это обусловлено исторически сложившимися обстоятельствами, закрепившимися в менталитете, когда белорусская земля несколько столетий подряд находилась под гнётом то одних, то других соседних народов и являлась полем битвы для враждующих государств. Это значит, что в белорусской культуре уже заложена готовность к неприятностям и горю... Вопрос начинается с отрицания, так как человек заранее готов, что ему откажут в просьбе, стул перед дверью белорус не переставит, потому что ему свойственно мнение, что он чего-то всегда не знает точно, что есть кто-то, кто знает лучше него. По-моему, средне-статистического жителя РБ всегда можно убедить в том, что он не прав. Так проявляется одна из самых важных характеристик менталитета белорусов – податливость и покорность».

Такую вот неожиданную (и чреватую конфликтными ситуациями в общении с реальными, а не с гипотетическими белорусами) интерпретацию вежливости и деликатности встреченных автором в Минске людей способна породить каузальная атрибуция, базирующаяся на склонности к «историческому детерминизму» при оценке национального характера.

Впрочем, и мы впали бы в ложные атрибуции, если бы на основе данного текста вздумали приписывать всем румынам склонность принимать благовоспитанность за слабость: та прямолинейность, решительность и бравада независимостью собственного народа, которую студент считает естественной для всех в Румынии, на самом деле, возможно, свойственна лишь ему персонально или людям его социального круга. В личности всегда перемешаны индивидуальные, социальные и этнокультурные характеристики, влияющие друг на друга, отделить их одну от другой позволяет лишь большой опыт общения с разными представителями одного и того же народа, позитивное мышление и собственное широкое сознание.

Ложная (неполная) индукция (склонность делать глобальные обобщения на основе всего лишь одного или нескольких эмпирических фактов) – ещё одна причина ошибочного атрибутирования в инокультурной среде. Так, студентка из Монголии обижалась, когда над ней посмеивались русские друзья, если она обращалась к ним по имени-отчеству. Оказывается, озадаченная при первом приезде в Россию некоторыми бюрократическими формальностями, она сделала вывод, идущий вразрез с русской традицией словоупотребления (в данном случае употребления имён собственных): «Для русских – пишет эта девушка – отчество очень

важно. На всех документах они пишут свои отчества. Но, например, у нас в Монголии не принято использовать наши отчества, мы не используем это. В России же часто спрашивают наши отчества. В паспортном отделе спрашивали моё отчество, а в то время я не знала русский так хорошо, как сейчас, и не знала, что ответить. Потом же я узнала, что на самом деле для русских их отчество – это самое главное!».

2. Коммуникативная дезориентация, обусловленная недооценкой полиэтничности и мультикультурности Российской Федерации, преодолевается на пути усвоения простой истины: «В России не только русские!». Студенты, недавно приехавшие в Россию и стремящиеся поскорее понять местные обычаи, усвоить нормы поведения, а также проникнуть в тайну «загадочной русской души», испытывают порой настоящий культурный шок – особенно в Москве и в других крупных городах, где велико этническое, культурное, религиозное многообразие как недавних мигрантов из других регионов и стран, так и коренных жителей.

Проблема заключается в том, что особенности русской орфоэпии, речевого и повседневного этикета, а также подмеченные иностранцем традиции, ценности и даже ментальные модели, могут оказаться не общероссийскими, «русскими» в широком смысле, и не русскими в этнокультурном смысле, а характерными лишь для весьма ограниченной – общим этносом, религиозной принадлежностью или маргинальной субкультурой – группы лиц. Попытка иностранца в дальнейшем применить свои знания и навыки за пределами данной узкой группы способна привести, если не к конфликту, то наверняка к какому-нибудь курьёзу (неожиданный в русском языке иностранца диалектный говорок, неуместный жаргон или, скажем, северокавказский акцент – самые невинные из них).

Студентка из США (имеющая российские корни, однако русский начавшая учить только в отрочестве) с сожалением вспомнила, как «хороший русский мальчик», изучавший английский язык, с которым она подружилась было в летней интернациональной школе, перестал с ней общаться после того, как она с гордостью продемонстрировала ему свои познания в русском (почерпнутые от других «хороших русских ребят»). Оказалось, что злые шутники обучили юную американку «многоэтажной» нецензурной брани, коварно сообщив ей, что это «фраза о любви».

Национальные и религиозные традиции народов, проживающих на территории РФ (владеющих не хуже, чем родным, и русским языком), по ошибке могут быть приняты иностранцем за исконно русские. Это способствует порождению фантастических стереотипов и вообще созданию мифов о русских. Так, студентка из Чехии вспоминает, как ей понравилось на фотографии свадебное платье сестры её соученицы, и она

попросила «русскую подругу» рассказать ей о самой церемонии бракосочетания. Что же она узнала? Невеста, оказывается, имеет право только на один танец, должна стоять, как манекен, потупив глаза, а жениха и вовсе не видит в этот день. «Такая дикость!» – резюмировала чешка и потеряла интерес к «русской свадьбе». (Только на тренинге выяснилось, что соученица была уроженкой Северной Осетии.)

Этноцентризм, упомянутый мною выше при рассказе об атрибутивных процессах, имеет ещё один любопытный аспект: частным случаем этноцентризма является внешнегрупповой фаворитизм [Стефаненко 2014: 272], при котором субъект склонен обесценивать группу членства и априори приписывать все возможные добродетели членам референтной группы (презумпция превосходства чужого этноса над собственным). Внешнегрупповой фаворитизм может возникнуть у отдельных индивидуумов и групп населения по разным причинам (на которых здесь неуместно останавливаться) и по-разному проявляться, в том числе в негативной этнической идентичности, выраженной в патологической зависимости личности от перманентного уничижения и тотального осмеяния всего, относящегося к культуре своего народа.

Встречая в столице и крупных городах России таких людей – как правило среднего достатка и с высшим образованием, с родным русским языком и неплохим владением иностранными языками, что предопределяет общение преимущественно с ними, – иностранцы обращают внимание на «негативную русскую идентичность» и начинают приписывать её всем русским как некую национальную черту. Однако за пределами данного узкого круга россиян попытка гостя страны позабавить русского презрительным анекдотом про русского или научить его, как надо жить, будет воспринята бестактностью (и породит, уже в русской среде, миф о невоспитанности иностранцев).

3. Дезориентация, обусловленная недостаточной культурной саморефлексией субъектов коммуникации при столкновении несовпадающих норм, в свою очередь способствует возникновению этнических стереотипов и предубеждений. Расширение культурного самосознания, углубление психологической саморефлексии в ходе коммуникативных тренингов – единственный способ преодолеть проблемы этого рода.

К сожалению, мы не всегда отдаём себе отчёт даже в своих культурно обусловленных моторных автоматизмах. Студент из Болгарии пишет: «Русские очень любят спорить. Все русские в разговоры со мной вставляли вопрос: “Вы не согласны со мной?”. Прошло немного времени, и я сделался человеком, который буквально всем перечил, хотя на самом деле и не думал никому возражать!».

На тренинге нам быстро удалось разгадать хотя бы эту «загадку русской души»: внимательно слушая монолог русского собеседника, болгарин незаметно для самого себя делал то же, что делают большинство людей во всём мире – согласно кивал головой в такт речи визави. Только делал он это по-болгарски, т.е. покачивая головой из стороны в сторону (в невербальном опыте русского – как будто хочет, но никак не решается возразить), чем и вызывал, наконец, закономерный вопрос.

Сами русские тоже далеко не всегда отдают себе отчёт в культурно обусловленных причинах своего коммуникативного поведения (в природе спонтанных эмоциональных реакций, например), поэтому не могут объяснить его иностранцам и предоставляют тем широкое поле для разного рода атрибуций. Рассмотрим ещё один случай...

Студентка из Узбекистана сочла, как она пишет, что ей как мусульманке неприлично показываться в купальнике перед юношами своей академической группы на занятиях физкультурой, проходящих в бассейне МГИМО (обязательных). Однако она знала, что для тех, кто не может плавать по состоянию здоровья, создана группа занятий теннисом, и пошла к врачу в студенческую поликлинику просить разрешение на перевод в эту группу. Девушке не пришло в голову симулировать заболевание, она просто рассказала всё, как есть. «Врач внимательно смотрела на меня, слушая мои доводы, а потом вдруг на повышенных тонах стала говорить, что ей нет дела до узбекских обычаев, что, раз я поступила в светское учебное заведение в России, то тем самым согласилась выполнять его учебную программу, а могла бы ехать учиться в исламскую страну!». История имела финал, благоприятный для пополнения теннисной группы, но узбечка сохранила обиду на русскую, не пожелавшую войти в её положение и «отказавшуюся понимать даже не саму другую культуру, но реальную ситуацию, связанную с другой культурой».

Это весьма поучительная история! И вовсе не потому, что она выводит на общеевропейскую проблему вторжения исламских (а, шире, и вообще религиозных) запретов и предписаний в пространство светских общества, науки и образования. Это только на первый взгляд – на взгляд студентки-мусульманки, вероятно, – негативная эмоциональная («ответ на повышенных тонах») реакция врача обусловлена была буквоедством, неприязнью к узбекам или к исламу. На самом деле девушка невольно нарушила неписанные коммуникативные законы, что тотчас ощутила её русская собеседница в форме неудержимого раздражения против просительницы. Какие же нарушения допустила иностранка и не смогла простить ей женщина-врач?

Есть русское выражение с негативной коннотацией — «качать права». Качает права тот, кто выходит за некие этические рамки (скандалит, говорит в грубом приказном тоне, просто проявляет излишнее нетерпение или назойливость), т.е. ведёт себя не деликатно, требуя справедливости по отношению к себе, — даже если она юридически обоснована. Что уж говорить о человеке, который ссылается при этом на некие свои сомнительные права, никому, кроме него, не ведомые и нигде не прописанные! В последнем случае вообще глупо «качать права», человек должен понимать, что просит об одолжении.

Вообще русскому человеку гораздо важнее чувствовать себя милосердным и справедливым, нежели законопослушным, но девушка даже не обеспечила врачу ритуальную очистку совести посредством партии с двойными транзакциями, по Э. Бёрну [Бёрн 1996: 24], где двое (доктор и симулянтка) играют во «врачебный приём» на социальном уровне, на психологическом же уровне общаются как «женщина, наделённая полномочиями творить добро» и «приятная девушка, нуждающаяся в помощи»!

Каждый «приятный человек» (т.е. добрый, скромный, разумный), с точки зрения Высшей Справедливости, в чём убеждён носитель русской культуры, имеет естественное право на свободу (если нельзя, но очень хочется, то... можно! — как шутим мы). Однако «приятный человек» не станет бесцеремонно толкать вас на должностной подлог, не станет диктовать вам выбор между законностью и справедливостью, тем самым посягая уже на вашу свободу. Так поступает только «плохой человек»: дерзкий, эгоистичный и экспансивный, — вздорный, одним словом. Ни милосердия, ни справедливости, ни свободы не достойный. («И пусть тут не качает права!»)

Сложно на фоне собственной обиды отличить дезориентацию чужеземки от дерзости «родного» хама, сложно не спрятать гнев за букву закона. Сложно культурные коды понять в себе, сформулировать, ещё сложнее их кому-то объяснить. Однако на то и существует практическая риторика.

ЛИТЕРАТУРА

- Albert R.D.** (1983), *The intercultural sensitizer or culture assimilator: A cognitive approach, Handbook of intercultural training*, Vol. 2, New York.
- Стефаненко Т.Г.** (2014), *Этнопсихология: учебник для вузов*, Москва.
- Бёрн Э.** (1996), *Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы: Пер. с англ.*, Санкт-Петербург.

К юбилею Уршулы Семяновской

2014 год. Сентябрь. В Лодзинском университете проходит вторая научно-методическая конференция, организованная Кабинетом дидактики русского языка. Первая состоялась в 2011 году. Это начало было положено Уршулой Семяновской, заведующей Кабинетом. Тогда в Лагевницком лесу в университетском конференционном центре она, будучи организатором этого мероприятия, принимала гостей из Кельц, Кракова, Ополя, Торуня, Варшавы (Польша), Барнаула, Москвы и Волгограда (Россия). Каждый мог увидеть, какой души человек наша «начальница»: добрая, сердечная, отзывчивая, гостеприимная. Теплый прием стал визитной карточкой методической встречи в Лодзи. Многие из коллег приехали на вторую конференцию специально для нее.

Общение с У. Семяновской доставляет истинное удовольствие. Она тонко чувствует людей и умеет найти к каждому подход, охотно делится своими знаниями и опытом, служит в нужный момент советом. Уршула Семяновская – это безупречный педагог и заведующая.

Она не успокаивается на достигнутом и постоянно совершенствует свое профессиональное мастерство, пополняет свой багаж знаний и умений и этого же требует от своих подчиненных.

Она своим примером показала и показывает, каким должен быть настоящий учитель. Она именно такая — охотно оказывающая помощь и доброжелательная ко всем. *Мы поздравляем Уршулу Семяновскую с прекрасным юбилеем. Желаем здоровья, долгих лет жизни, счастья, благополучия, неиссякаемой творческой энергии и успехов во всех начинаниях. Мы гордимся тем, что Вы у нас есть.*

Коллеги

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGOul. Williama Lindleya 8
90-131 Łódź

tel.: 42 66 55 863

fax: 42 66 55 862

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

ISBN 978-83-7969-754-0

9 788379 697540